

19. Николина Н. А. Филологический анализ текста. М.: Academia, 2003.
20. Новиков Л. А. Стилистика орнаментальной прозы Андрея Белого. М.: Наука, 1990.
21. Поцепня Д. М. Образ мира в слове писателя. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997.
22. Сухих С. А., Зеленская В. В. Репрезентативная сущность личности в коммуникативном аспекте реализаций. Краснодар: Изд-во Краснодар. гос. ун-та, 1997.
23. Сухих С. А. Принципы и методы интегративного подхода в лингвистике // Принципы и методы исследования в филологии. Конец XX века: Научно-методический семинар «Textus»: сб. ст. Вып. 6. Раздел 1. Общие методологические проблемы филологии. СПб.: Ставрополь, 2001. С. 37—45.
24. Тынянов Ю. Архаисты и новаторы. Л.: Прибой, 1929.
25. Шмелев Д. Н. Слово и образ. М.: Наука, 1964.

УДК 821.161.1

А. А. Лысов

Солярный комплекс мотивов в творчестве Н. А. Клюева

В статье рассматривается один из наиболее значимых в творчестве Н. А. Клюева мотивных комплексов — солярный. В основе этого комплекса варьируются два солярных мотива: мотив гибели солнца и заклинательный мотив величания солнца. Оба мотива тесно взаимосвязаны и несут в тексте Клюева определенную функциональность.

Ключевые слова: *лирический герой, солярный мотив, солярная образность, солярный культ, осень, зима, вечер, ночь.*

Lysoff A. A. A Solar Complex of Motives in the Poetic Creation of N. A. Kluev

The article considers one of the most important motive complexes in N. A. Kluev's poetic creation — a solar complex of motives. Two varying solar motives constitute the base of this complex: the motive of the sun's death and the spell motive of praising the sun. Both motives are closely interconnected with each other and perform in Kluev's text certain functionality.

Keywords: lyric hero, solar motive, solar imagery, solar cult, fall, winter, evening, night.

Солярный комплекс мотивов имеет большое значение в творчестве Н. А. Клюева. Уже в ранних стихотворениях поэта дешифруется солярный мотив гибели солнца. Этот мотив у Клюева в целом представлен осенне-зимними образами, а также образами вечера-ночи. Е. И. Маркова справедливо утверждает, что в творчестве Клюева «излюбленным временем суток являются сумерки, вечер, ночь» [13]. Н. И. Толстой отмечал соответствие между суточным (сумерки, вечер, ночь) и годовым (осень, зима) временем в представлениях славян [17, с. 12].

Первое стихотворение Клюева «Не сбылись радужные грезы...» (1904) начинается мыслью об ожидании дня отрадного. Эта мысль повторяется в стихотворении «Где вы, порывы кипучие...» (1905): «Ждет вас, как светлого дня» [4, с. 80]. Мотив ожидания дня четко показывает, что действительное время стихотворения «Где вы, порывы кипучие...» — ночь.

Название ожидаемого «дня отрадного» возникает в стихотворении Клюева «Проснись!» (1905): «праздник воскресенья», «великий праздник обновленья».

В указанном стихотворении прослеживаются также реминисценции на стихотворения А. С. Пушкина «Зимнее утро» (1829) и И. З. Сурикова «Работники» (1875). В этих стихотворениях говорится о зиме и осени, что с мифологической точки зрения является временем «смерти» солнца. Вместе с тем стихотворение напоминает величальное заклинание, при котором еще только желаемое, ожидаемое явление изображается уже наступившим. Стихотворение «Проснись!» построено как заклинание-величание всеобщего воскресения.

Стихотворение «Гимн свободе» (1905) также обнаруживает заклинательную форму. Строки «Ушли безвозвратно в могильную сень / Враги животворной свободы. / Сегодняшний день без копья и меча / Сразил их полки легионы...» [4, с. 81] и другие рисуют образ наступившего радостного времени. Но это не утопический образ, а обрядовый, такой же, как в величальных обрядовых песнях, в которых «желаемое изображалось как действительное <...>. Участникам хорова то, о чем они пели, хотелось бы увидеть в будущем, в реальности, и это будущее с целью приближения к настоящему изображалось уже свершившимся» [12, с. 44—45]. В стихотворениях «Проснись!», «Гимн свободе» и др. объектом такого величального изображения является новое светлое время, всеобщее воскресение, радостный день. Величально-заклинательные мотивы творчества Клюева составляют значительную часть солярного комплекса.

«Прославление милостыни», последняя песня цикла «Песни из Заонежья», представляет обрядовое величание семьи и дома: «Хозяину в дому, / Как Адаму во раю, / Детишкам в дому, / Как орешкам во меду!» [3, с. 71]. При этом христианская образность песни «Прославление милостыни» связана с солярным культом прославления возродившегося солнца. Ученые классифицируют величальные песни данного типа как песни-терем: «...наиболее распространенными величаниями семьи являются песни, которые А. Н. Розов назвал песнями типа “терем”: в них содержится “величание хозяйского дома, изображенного в виде трех сказочно богатых и красивых теремов, в которых живут хозяин, хозяйка и их дети, уподобляемые небесным светилам” <...> Смысл песен так объяснил В. И. Чичеров: “...Уподобление хозяев солнцу, месяцу, звездам входит в круг элементов обрядовых действий солнечного культа, сохранившихся в праздновании рождества — крещения; такое уподобление является наивысшей формой восхваления и пожелания благополучия и связано в самих истоках своих с новогодней обрядностью как обрядностью возрожденного солнечного светила” <...>. Более позднее осмысление целенаправленности этих песен под влиянием христианства породило новое сопоставление. Например, сравнивали: “Хозяин во дому — / Что Адам во раю, / А хозяйка во дому — / Что оладья во меду!” <...>» [12, с. 68]. Также у Клюева обращает на себя внимание характерное отождествление дома и рая.

Очевидно, что цикл «Песни из Заонежья» приурочен к солярному культу почитания солнца, в связи с чем дает указания на времена года. В 1-м стихотворении «Ах, вы цветики, цветы лазоревы...» предрекается гибель «свет-Миколушки» (в иносказательном плане — светила, солнца) от мороза, зимней стужи, в 5-м стихотворении «На малиновом кусту...» говорится, что «калинов мост в снежный кутается холст», и т. д. Последнее стихотворение цикла, как выяснилось, представляет величание возрожденному и обновленному солнечному светилу.

Замечание В. Г. Базанова подтверждает мысль о солярном обрядовом подтексте в клюевской христианской образности: «В стихах Клюева почти нет низших мифологических “персонажей” (леших, домовых, русалок), он почти не обращается к “быличкам”. Внимание поэта сосредоточено на самых древних культах (солнца, земли, воды, животных и растений), вернее — на их сращении с христианской мифологией» [8, с. 22].

В основе еще одного стихотворения «Свет неприкосновенный, свет неприступный...» (1920) также лежит обряд заклинания-величания. Это стихотворение изображает якобы наступление ожидаемого дня всеобщего воскресения, в том числе и как времени исцеления от болезней, которые подвергнуты заклятию: «И пленники — грызь, маета с лихорадкой / Завязаны в бабкин заклый платок. // Не кашляет хворь на счастливых задворках <...> // Покинула гроб долгожданная мама, / В улыбке — предвечность, напевы — в перстах...» [4, с. 470]. «Бабкин заклый платок» — это магический обрядовый текст Клюева, в котором заклиняется зло.

Заклинательно-величальным является стихотворение «Солнце избу взнуздало...» (1921). Здесь изображается наступление райского времени, символом которого становится образ избы: «Солнце избу взнуздало — / Бревенчатого жеребца <...> // С Богом станем богами, / Виссонами шелестя!.. / Над олонецкими полями / Взыграло утро дитя» [4, с. 483]. Заканчивается это стихотворение величальным заклинанием чаемого избяного царства: «И, внимая плескам великим, / Улыбается мать-изба, / А за печью лебяжьим криком / Замирает миров борьба» [4, с. 484].

Стихотворения «Проснись!», «Гимн свободе», «Прославление милостыни», «Свет неприкосновенный, свет неприступный...», «Солнце избу взнуздало...» представляют отчетливую заклинительно-величальную форму.

В 1908 году в стихотворениях Клюева возникает мотив жертвы у дерева. Фольклоризированный образ жертвы у дерева впервые вводится в стихотворении «Под плакучею раkitой...» (1908) и сразу же, как зачинный образ, связывается с соляренным мотивом заката солнца.

Стихотворение начинается строками «Под плакучею раkitой / Бледный юноша лежал» [4, с. 95], заканчивается описанием финала данной ситуации: «Одинокая раkitа / Тихо плакала над ним» [4, с. 96]. В основе образности стихотворения лежит прием психологического и эпического параллелизма. Умирание лирического героя сопровождается таким природным явлением, как заход солнца и завершение дня, и состраданием к герою природы (раkitы). Названные элементы поддерживают трагический тон стихотворения и этим значительно усиливают описание гибели главного героя. Образность стихотворения «Под плакучею раkitой...» фольклорная, но входит в общий евхаристический замысел поэтики Клюева: центральным символом стихотворения становится соляренный мотив, который несет идею гибели-возрождения.

Стихотворения «Брачная песня» (1910, 1911) и «Святая быль» (1912) дают голгофский мотив мученической казни, которая осмысливается как освобождение из заточения в «телесной клетке». В обоих стихотворениях заявлена символика причастия. Лирический герой обращается к божественному небесному началу — Христу («Брачная песня») и ангелам («Святая быль»). Слова лирического героя стихотворения «Брачная песня» напоминают заклинание-молитву: «Божий Сын, / Невидимый Учитель, / Изведи из мира тьмы наружной / Человека — брата своего!» [4, с. 134]. Эти строки стихотворения восходят к псалтыри, имеют ветхозаветную основу: «Выведи из темницы душу мою, чтобы мне славить имя Твое. Вокруг меня соберутся праведные, когда Ты явишь мне благодеяние» (Псалтырь, 141:7) [1, с. 593]. Очевидно, что темница — это иносказательное обозначение греховного, плотского начала, противопоставленного началу божественному и присутствующего как в самом человеке, так и в земном материальном мире в целом. Эта же темница тяготит и лирического героя стихотворения «Святая быль» (как и стихотворений «На припеке цветик алый...», «Брачная песня»). Следовательно, ветхозаветные истоки образа темницы как «телесной клетки» [5, с. 98] («Святая быль») проясняются в поэтике стихотворения «Брачная

песня». Однако казнь, перед или во время которой исполняется именно 7-й стих 141-ого псалма царя Давида, остается пока загадочным местом стихотворения «Брачная песня». Что это за казнь с ее жертвами (в данном случае самим лирическим героем — Николаем Клюевым), отвечает старец Иосиф — один из литературных героев П. В. Мельникова-Печерского, его романа «В лесах»:

«Ангелы божии в небесах возликовали, егдавоню благоухания сожигаемых обоняли и песнь преподобных во временном сего мира огне слышали “Изведи из темницы душу мою, мене ждут праведницы” — вот что пели во пламени христовы исповедники» [6, с. 210].

Как видно, в стихотворениях «Брачная песня» и «Святая быль» выявляется аллюзия на старообрядческий огнепальный мотив. Лирический герой в начале и конце «Брачной песни» говорит одни и те же слова: «Белому брату / Хлеб и вино новое / Уготованы. / Помолюсь закату, / Надем рубище суровое / И приду на брак непозванный» [4, с. 133—134]. Значит, вся молитва в произведении обозначается как молитва к закату, скорее всего к умиравшему солнцу, которое непременно воскреснет и на чье воскресение указывает евхаристическая символика.

Как известно, для старообрядцев в церковных обрядах богослужения и литургии важно было следование движению солнца. Нарушение этого единства солярного и богослужебного, неприемлемо, ересь. Аввакум обличал никониан: «в крещении явно духу лукавому молиться велят... и около купели против солнца луково-ет их водит, такоже и церкви свята, против солнца же, и брак венчав, против солнца же водят, — явно противно творят, — а в крещении и не отрицаются сатоны» [2, с. 473].

А. И. Михайлов выделяет уникальную особенность Клюева: «Образ Аввакума проходит через всю его поэзию, к нему он обращается и в своих литературных размышлениях <...>. Аввакумовское слово входит в сознание поэта уже с самого раннего детства вместе с постижением грамоты: “Учился — в избе по огненным письмам Аввакума”. Собственную “автобиографию” Клюев создавал, несомненно, оглядываясь на “Житие” своего кумира» [14]. Это очень важное замечание. Связь с Аввакумом дешифруется уже в самых первых стихотворениях Клюева. Подтекст этих стихотворений осенне-зимний. Образ зимы как символа времени церковных реформ Никона за-

дан и в «Житии протопopa Аввакума»: «В памяти Никон пишет: “Год и число. По преданию святых апостол и святых отец, не подобает во церкви метания <земных поклонов>творитина колену, но в пояс бы вам творити поклоны, еще же и тремя персты бы есте крестились”. Мы же задумались, сошедшеся между собою; видим, яко зима хоцет-быти; сердце озябло и ноги задрожали» [2, с. 438]. Как явствует из «Жития», этот аллегорический образ зимы неотделим от обрядовых представлений о нарушенном литургическом богослужении. То же и у Клюева. Одинаковое восприятие настоящего времени как времени тьмы и холода объединяет творчество Клюева и Аввакума.

По-видимому, весь подтекст творчества Клюева, указывающий на время смерти солнца, объясняется именно глубоко религиозным старообрядческим мировоззрением поэта. Этот трагический подтекст отражает духовное состояние Русской земли со времен реформ Никона, вследствие раскола, знаковым явлением которого стало разделение христианского богослужения и движения солнца. Эта нарушенная преемственность в творчестве Клюева и воплощается подтекстом, передающим устойчивую картину смерти солнца.

Поэтому в творчестве Клюева и встречаются стихи, связанные с мотивами заклинания солнца. Это уже упомянутые выше обрядовые величания, напрямую восходящие к древнему солярному культу почитания солнца. Это также такие стихотворения, как «Песня о мертвом женихе» (1908), «Ты взойди, взойди, Невечерний Свет...» (1912), «Я молился бы лику заката...» (1912), «Молитва Солнцу» (1917) и др.

Обрядовое величание солнца слышится в изобразительных эпитетах зачинательных строк «Песни о мертвом женихе»: «Ой ты, солнце огнеокое, / Надосветное, высокое, / Не рони закатна золота / Во озерышко глубокое — / Не пугай сорогу малую, / Водяницу пододонную, / Не мани улыбкой алоу / За туманность небосклонную. / Дай излить, золотоликое, / Горе девичье великое...» [5, с. 43]. Лирическая героиня этой песни обращается к солнцу и заклинает его. Функция заклинаний — магическое воздействие на мир.

Стихотворение «Ты взойди, взойди, Невечерний Свет...» также зачинательное. Строка, по которой названо это стихотворение, представляет собой заклинание, имеющее восклицательную интонацию и повторяющееся дважды, в первом и шестом двустишиях: «Ты взойди, взойди, Невечерний Свет, / С земнородными положи завет! // <...>

Ты взойди, взойди, Невечерний Свет, — / Необорный меч и стена от бед!» [4, с. 178—179]. На обрядовость этого стихотворения указали Л. Г. Яцкевич и С. Н. Смольников: это произведение, по их наблюдению, сходно «с сакральным ритуальным текстом» [16, с. 27—28].

Названия стихотворений «Я молился бы лику заката...» и «Молитва солнцу» говорят сами за себя. «Молитва солнцу» начинается заклинанием-обращением, которое характеризуется восклицательной интонацией и повторяется в конце всего произведения: «Солнышко-светик! Согрей мужика!» [4, с. 359].

Интересно также произведение «Обидин плач» (1908, 1918). Основной персонаж этого клюевского текста напоминает мифологическую деву Обиду:

*Притуляются на завалины
Старики, ребята малые —
Диво-дивное увидючи,
Промежду себя толкуючи:
«Чья здесь ведьма захудалая
Ходит, в землю носом ключючи?
Уж не горе ли голодное,
Лихо злое, подколенное,
Забезало частой рощею,
Корбой темною, дремучею,
Через лягу — грязь топучею<...> [4, с. 99]*

Автор-повествователь в тексте предстает в облике «ведьмы захудалой». В то же время «клевание» (что-то птичье), «диво-дивное», «горе голодное», «злое подколенное лихо» и «грязь топучая» напоминают образы из «Слова о полку Игореве»:

Солнце ему тьмою путь заступаше;
ночь стонуци ему грозою птичь убуди;
свист звѣринъвъста,
збися дивъ –
кличет врѣху древа, <...>

крычатъ тѣлѣгы полунощы,
рци, лебеди роspущени.
Уже бобѣды его пасетъ птиць

по дубию; <...>
орли клекотомъ на кости звързываютъ; <...> [7, с. 30]

<...>начаша мосты мостити по болотомъ
и грязивы мъмъстомъ, <...> [7, с. 31].

Выражение «мосты мостити» присутствует также в третьей части стихотворения «Обидин плач»: «Головами мосты мощены» [4, с. 100]. Стихотворение Клюева перекликается со «Словом» и его символизмом: затмение солнца — знак беды.

Б. М. Гаспаров, автор монографии «Поэтика “Слова о полку Игореве”», отмечал: «В тесной семантической и функциональной связи с образом солнечного затмения в “Слове” находится очень широкий круг явлений, общим признаком которых служит *закрывание света, затемнение, замутнение*» <...> Образ тучи / грозы служит посредствующим звеном <...>, в котором совмещается идея закрывания солнца (восходящая к затмению) и идея замутнения» [10, с. 161—162].

Сходство с этой идеей «Слова» узнается в «Обидином плаче». Так, вторая часть стихотворения повествует о помутившемся озере и о туче:

*Вышла к озеру по инею,
По росе медвяной, утренней.
Стало озеро выпрашивать,
Оно стало мне рассказывать <...>
От озерной прибауточки,
Водяной потайной басенки,
Понабережье наступилось,
Пеной-саваном окуталось.
Тучка сизая проплакала –
Зернью горькою прокапала,
Рыба в заводях повытухла,
На лугах трава повыязбла... [4, с. 99—100]*

Озеро и туча, как и в «Слове о полку Игореве», указывают на связь с замутнением и затмением. А следующая, третья часть «Обидинога плача» описывает убийства, казни, в целом, гибель Русской земли.

В конце первой части стихотворения «Обидин плач» говорится о «гулянье круговитом». Это понятие дополнено евхаристической символикой:

*<...> На гулянье круговитое?
У нас время недогуляно,
Зелено вино недопито,
Девуцы недоцелованы,
Молодцы недолюбованы,
Сладки пряники не съедены <...> [4, с. 99].*

Фольклорные образы зелена вина и сладких пряников — это фольклорная вариация символов евхаристии. Как показала Л. А. Киселева, «Клюев подходит к фольклорному тексту (который позволяет объединять самые разные лексические значения в общем понятии “традиционного смысла”) как к тексту Священного Писания» [11, с. 54]. Третья, заключительная, часть стихотворения «Обидин плач» дает образ крови и плоти:

*Как на полюшке кровавоём
Головами мосты мощены,
Из телес реки пропущены, <...> [4, с. 100].*

«Зелено вино» и «сладкие пряники» первой части оборачиваются «кровью» и «телом» в третьей части. Счастье оборачивается горем. «Обидин плач» заканчивается образом осени — смерти солнца:

*<...> Та пугливая осинушка,
Что шумит-поет по осени
Песню жалкую свирельную,
Ронит листья — слезы желтые
На могилу безымянную” [4, с. 100].*

Не случайно в «Песне девушки» (1908) (вариант «Обидино плача») во 2-й части предстает мотив голгофской казни молящихся солнцу солнцепоклонников:

*Кто завечен Свету Белому <...>
Молит Солнышко тихошенько,
Чтоб пекло оно теплешенько <...>
Тот головушку безвинную
Залагает во петелочку,
И казнят его без милости
Палачи немилосердные [5, с. 41].*

Мы предполагаем, что под образом молящихся солнцу подразумеваются именно старообрядцы. В. А. Брыкалин в своей диссертации очень верно, на наш взгляд, считает старообрядческое начало центральным во всем творчестве Клюева: «В контексте образной системы Клюева старообрядчество стало связующим звеном, одной из неизменных составляющих целостности авторской позиции» [9, с. 41]. Движение посолонь как отличительный признак старообрядческой литургии было нарушено в государственной церкви. Этот разрыв с традицией очень символичен для Клюева, как и для любого старообрядца. Нарушение преемственности с духовной традицией предков становится обобщающим и мотивирующим символом трагической эпохи, образ которой в подтексте всего творчества поэта воплощается в разнообразных солярных мотивах, и в первую очередь в мотиве гибели солнца.

По замечанию С. Н. Смольникова, «настоящее для поэта — эпоха “неприкаянной”, “пригвожденной” России, начавшаяся правлением “тишайшего” царя Алексея Михайловича и реформами патриарха Никона» [15]. У него же: «Время раскола и современное поэту постреволюционное время — единая эпоха» [15].

Таким образом, проведенное исследование позволило выделить следующие мотивы солярного комплекса. Первая группа мотивов представлена образами осени, зимы, вечера, ночи. Данная образность передает мотив «смерти», т. е. заката солнца. Вторую группу мотивов составляют обрядовые величания-заклинания. Они направлены на то, чтобы магической силой ускорить приближение желаемого события, в данном случае праздничного дня, всеобщего воскресения, нового светлого времени, символом которого является возрожденное солнце. Все это непосредственно указывает на единство с фольклорной обрядовой традицией. В свою очередь, мотив смерти солнца также имеет символическое значение: проходя через все творчество Клюева, он обусловлен прежде всего старообрядчеством и символизирует трагическую эпоху, в которой жил и творил поэт.

* * *

1. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета. М.: Российское библейское общество, 2009.

2. Житие протопопа Аввакума // Повесть временных лет: сборник произведений Древней Руси. М.: Эксмо, 2007. С. 428—483.
3. Ключев Н. А. Песнослов: Стихотворения и поэмы. Петрозаводск: Карелия, 1990.
4. Ключев Н. А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. СПб.: РХГИ, 1999.
5. Ключев Н. А. Стихотворения. Поэмы. М.: Худож. лит., 1991.
6. Мельников П. И. (Андрей Печерский). В лесах: в 2 кн. М.: Сов. Россия, 1984. Кн. 2.
7. Слово о полку Игореве. М.: Худож. лит., 1985.
8. Базанов В. Г. Поэзия Николая Ключева // Ключев Н. А. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1977. С. 5—84.
9. Брыкалин В. А. Книга стихов Николая Ключева «Песнослов» как художественное единство: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005.
10. Гаспаров Б. М. Поэтика «Слова о полку Игореве». М.: Аграф, 2000.
11. Киселева Л. А. У истоков «большого эпоса» Николая Ключева: «Песни из Заонежья» // Русская литература. 2002. № 2. С. 41—57.
12. Круглов Ю. Г. Русские обрядовые песни. М.: Высш. шк., 1989.
13. Маркова Е. И. Творчество Николая Ключева в контексте севернорусского словесного искусства. URL: http://www.booksite.ru/klyuev/4_3_03.html
14. Михайлов А. И. К истокам поэтического феномена Николая Ключева. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/1us/tuz/na/8.htm#22>
15. Смольников С. Н. Мифологема-топоним «Китеж» в поэтической системе Н.А. Ключева. URL: <http://kluev.org.ua/collegium/kitezweb.htm>
16. Смольников С. Н., Яцкевич Л. Г. На золотом пороге немеркнущих времен: поэтика имен собственных в произведениях Н. Ключева. Вологда, 2006. С. 9—10.
17. Толстой Н. И. Славянские верования // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. 2-е изд. М.: Междунар. отношения, 2014. С. 8—16.